

ИГОРЬ РАБИНЕР

Лев Димитр

ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА

*Иллюстрированная
биография*

ГЛАВА I	ПЕЛЕ: «ЕГО ДОБРОТА РАЗРУШАЛА ЛЮБЫЕ БАРЬЕРЫ»	4
ГЛАВА II	РАБОТАТЬ НА ЗАВОД СЛЕСАРЕМ ОН ПОШЕЛ РАНЬШЕ, ЧЕМ ВСТАЛ В ВОРОТА	22
ГЛАВА III	ПЯТИЛЕТКА ТРИУМФОВ: ОТ МЕЛЬБУРНА ДО ПАРИЖА	45
ГЛАВА IV	ТРАВЛЯ	58
ГЛАВА V	ПОСЛЕ ПРОЩАЛЬНОГО МАТЧА ИТАЛЬЯНЦЫ НЕСЛИ ЕГО НА РУКАХ И РАЗДЕЛИ ДО ПЛАВОК	80
ГЛАВА VI	СВАДЕБНЫЙ ГЕНЕРАЛ ПОНЕВОЛЕ	102
ГЛАВА VII	ПОЧЕТНОЕ ЗВАНИЕ ПЕРЕД СМЕРТЬЮ	120

ГЛАВА I

ПЕЛЕ: «ЕГО ДОБРОТА РАЗРУШАЛА ЛЮБЫЕ БАРЬЕРЫ»

Всегда сомневаюсь и рефлексирую, начиная работу над книгой, но сейчас — намного сильнее обычного. Потому что прежде должен ответить себе на вопрос: имею ли право писать книгу о Льве Яшине? Ведь, во-первых, ни разу не общался с ним лично, поскольку его не стало, когда мне было семнадцать и в спортивной журналистике я делал лишь первые робкие шажки. Во-вторых, хуже того, ни разу вживую не видел его на поле, так как великий вратарь закончил карьеру, когда меня еще не было на свете. А можно ли, если сам не присутствовал на играх мастера, рассказывать о нем другим?

Понятно, что писать о легенде — честь, ты как бы к ней чуть-чуть прикасаешься, на тебя невольно падает какой-то лучик ее славы. Но так и ответственность какая! Тем более что о Льве Ивановиче написаны десятки книг и созданы десятки документальных фильмов, не так давно снята и художественная

лента — по мне, не самая увлекательная, зато хоть без лжи, свойственной отечественным спортивным байопикам. Про Яшина не наврали, его вдова Валентина Тимофеевна бдительно проследила — и за это ей большое спасибо.

Человека нет с нами уже тридцать пять лет. Казалось бы, что о нем еще можно сказать, если Евгений Евтушенко, болельщик яшинского «Динамо», уже написал в стихотворении «Вратарь выходит из ворот» такое, что никакой беллетристкой не дотянешься?

*Вот революция в футболе:
Вратарь выходит из ворот,
И в этой новой странной роли
Как нападающий идет.*

*Стиль Яшина — мятеж таланта,
Когда под изумленный гул
Гранитной грацией гиганта
Штрафную он перешагнул.*

*Захватывала эта смелость,
Когда в длину и ширину
Временщики хотели сделать
Штрафной площадкой всю страну.*

*Страну покрыла паутина
Запретных линий меловых,
Чтоб мы, кудахтая курино,
Не смели прыгнуть через них.*

*Внушала, к смелости ревнуя,
Ложно-болельщицкая спесь:
Вратарь, не суйся за штрафную!
Поэт, в политику не лезь!*

*Ах, Лев Иваныч, Лев Иваныч,
Но ведь и любят нас за то,
Что мы куда не след совались
И делали незнамо что.*

*Ведь и в безвременное время
Всех грязных игр договорных
Не вывелось в России племя
Пересекателей штрафных.*

*Купель безвременья — трясина.
Но это подвиг, а не грех —
Прожить и честно, и красиво
Среди ворог и неумех.*

*О радость — вытянуть из схватки,
Бросаясь будто в полынью,
Мяч, обжигающий перчатки,
Как шаровую молнию!*

*Ах, Лев Иваныч, Лев Иваныч,
А вдруг, задев седой вихор,
Мяч, и заманчив, и обманчив,
Перелетит через забор?*

*Как друг ваш старый, друг ваш битый,
Прижмется мяч к щеке небритой,
Шепнет, что жили вы не зря.
И у мячей бывают слезы,
На штангах расцветают розы
Лишь для такого вратаря!*

Нет ничего надежнее, чем мяч в руках Яшина

Не стоит понимать Евтушенко буквально: Яшин отнюдь не был бунтарем. И пусть среди мировых футбольных звезд было немало его друзей, на саму границу никогда мечтательно не засматривался. Лев Иванович никак не монтировался с Западом в отличие,

Иногда их бывало даже два. Правда, только на тренировках

например, от Валерия Воронина, «Преждевременной звезды» (так называется книга Александра Нилина), который был «как денди лондонский одет» и вообще словно создан для Европы. Рыбалка в Подмоскowie для Яшина была куда милее огней больших столиц.

Его партнер по золотой сборной СССР на первом Кубке Европы 1960 года Валентин Бубукин писал в книге «Вечнозеленое поле жизни», что у него на кухне, не под микрофон или для статьи, а «похрустывая огурчиком под водочку», Яшин совершенно искренне говорил ему о том, что для него самое важное:

— *Прежде всего, прославить Родину надо, чтобы все знали: Советский Союз — это сила. И конечно, общество — чтобы «Динамо» звучало. А уж напоследок — что мне перепадет там.*

Вот только перепадало очень немного, как и любому из тех, кто был слишком горд, чтобы ходить с протянутой рукой. «Прожить и честно, и красиво среди воругов и неумех» Яшин смог, но им сполна воспользовались и родное государство, и родное спортивное общество, а потом, когда он уже не был нужен, на него наплевали и забыли.

Что касается яшинского — не буду напыщенно говорить «патриотизма», а скажу лучше «любви к своей стране и ее людям», — вот

Легендарное фото выхода сборной СССР из самолета Париж – Москва после золота первого в истории европейского первенства. Яшин с начальником команды Андреем Старостиным и капитаном Игорем Нетто

фрагмент из изданной в Германии книги Дитриха Шульце-Мармелинга о Яшине. Автор приводит важный эпизод из разговора Франца Беккенбауэра со Львом Ивановичем в яшинской квартире в Чапаевском переулке:

«Я поинтересовался у него:

— Ты объездил весь мир, ты никогда не думал сбежать куда-то?

По его взгляду я понял, что он уже задавал себе этот вопрос.

— Франц, как можно хотеть такого?

Он мне рассказывал, что не особо жалует ту систему, в которой живет, но...

— Люди в нашей большой стране полюбили меня, я приношу им радость своей игрой, иногда даже гордость. Как я могу все это оставить? Конечно, я бы мог в свои лучшие годы отправиться куда-то за границу,

играть там и зарабатывать много денег, но потом понял, что, если человек, даже известный во всем мире, останется здесь и будет жить, как обычный гражданин, возможно, это даст людям надежду»¹.

Лев Иванович никогда не жил для себя — таким он был человеком. Наверное, для его характера это было естественно, органично. Александр Нилин, писатель и сценарист, автор потрясающих книг про Эдуарда Стрельцова и Валерия Воронина, рассуждает:

— Яшин — во многом такая фигура, которая никогда не делала то, что хочется. Он же намного старше моих героев. Стрельцов,

¹ Шульце-Мармелинг Дитрих. Лев Яшин. «Я — легенда» / Дитрих Шульце-Мармелинг; [пер. с нем. Е. А. Сафроновой]. — Москва: Эксмо, 2019.

1989 год, Москва, матч в честь 60-летия Яшина. Трибуны в Петровском парке были заполнены благодарными людьми, которые и спустя почти двадцать лет после окончания игровой карьеры Льва Ивановича пришли отдать ему должное. Подавляющее большинство не догадывалось, что видит его в последний раз...

Воронин — они все получали удовольствие от жизни, хотя за это и заплатили. А он никогда не решался себе этого позволить. Лев Иванович — человек еще сталинского времени. Двадцать девятого года рождения. Первые жизненные уроки получены именно тогда.

Когда-то брат Нетто спросил, мог ли Игорь быть в одной компании со Стрельцовым в тот роковой вечер. Я ответил:

— Не мог! Потому что, хоть и не такая большая разница в возрасте, но это — вечность. Нетто, Яшин — люди других времен. Лев не был вундеркиндом, не попал в семнадцать лет в основу команды мастеров, как Стрельцов. На чемпионате мира в Чили, где играть должен был Маслаченко, но в последний момент его он получил тяжелую

травму, Яшин заработал такие неприятности от нашего благодарного Отечества, после которых другой на его месте психически бы сломался. Не бывает, что сыграл плохо в этот раз? Тоже ведь трагическое время в жизни Яшина.

О Яшине можно было бы сделать четыре фильма, ни один из которых не был бы парадным. Один — где он уже живет в «Динамо», приезжают на машинах Бесков, Трофимов, друзья министра внутренних дел Абакумова. Он — солдатик, третий вратарь, получает копейки. Но — «Динамо». Положение в обществе. А в это время — атомный проект, масса событий в стране. Он вроде в них не участвует, но его судьба — потом выйти с этими событиями на один уровень.

Еще один фильм — как его жизнь рушится в Чили. Третий — когда он уже не очень нужен, но ему самому хочется играть. И четвертый — жизнь свадебного генерала.

Из слов Нилина становится понятно, почему честная книга о Яшине не должна, не может быть «румяной сказкой», как когда-то называли официальные биографии советских вождей писатель Сергей Довлатов. И почему жизнь самого Льва Ивановича была далеко не сахаром и не купанием в молочных реках с кисельными берегами.

Мне не дано знать, помнил ли Яшин плохое, но он точно не держал зла на тех самых людей, которые «полюбили его, и он приносил им радость своей игрой, иногда даже гордость». Однако как только пресса указала на него пальцем как на главного виновника неудачи на ЧМ-1962 в Чили и рявкнула: «Фас!» — эти люди вдруг поверили ей

на слово (матчи-то не показывали) и, взяв под козырек, возненавидели человека, который подарил им столько радости, выиграл Олимпиаду и Кубок Европы. Это массовое помешательство привело, пусть и ненадолго, и к швырянию камней в окна его квартиры, и к словесному уничтожению с трибун...

Зато Валентина Тимофеевна, как всякая по-настоящему любящая жена, очень хорошо помнила это всю жизнь. И почти полвека спустя описывала мне во всех красках.

Кто-то гордо назовет этот феномен паралитического воздействия на людское сознание «силой печатного слова», а кто-то поставит грустный и, как-то так выходит, всегда актуальный диагноз: «зомбирование», «несамостоятельность мышления», «уязвимость к внешнему воздействию». Когда белое тебе называют черным и ты почему-то слепо принимаешь эту ложь на веру...

И снова все камеры нацелены на Льва Ивановича

Но Яшин не озлобился, хотя имел на это полное право, и продолжал любить людей. Он был скромным, терпеливым, доброжелательным, верным, в высшей степени порядочным человеком, о котором никто ни при жизни, ни после нее не сказал ни одного плохого слова (злопыхателей, упомянутых выше, в расчет не берем). Он был воплощением триады, сформулированной Булатом Окуджавой: «Совесть, благородство и достоинство — вот оно, святое наше воинство».

В 1965 году в Рио-де-Жанейро он вышел из автобуса, в котором уже сидела сборная СССР, чтобы поговорить с молодым местным репортером, когда узнал, что того могут уволить, если он не возьмет интервью у Яшина. У корреспондента «в зобу дыханье сперло» — а вратарь его выручал, сам рассказывал историю за историей. И команда терпеливо ждала его, понимая — а как иначе? Сейчас такое невозможно даже представить. В той же Бразилии, отразив во время телепередачи несколько пенальти, он передал выигранные деньги в помощь детям из фавел.

Выше всего он ценил человеческое общение. В 1963 году, в том самом легендарном матче сборных Англии и ФИФА, во многом за невероятную игру в котором Яшин получил «Золотой мяч», участвовал венгр Ференц Пушкаш, не вернувшийся в свою страну в 1956 году. Николай Озеров во время репортажа по советскому ТВ ни разу не произнес фамилию невозвращенца — это было категорически запрещено. В еженедельнике «Футбол» по той же причине Пушкаш — единственный, кто не был упомянут в составе сборной мира по футболу, и он как бы не вышел на замену вместо Эйсебио.

Яшин же, который знал Ференца с 1954 года, спокойно общался с ним до и после матча. Для советского человека такое поведение за границей было в высшей степени нехарактерно, но для Льва Ивановича,

повторяю, это не было никаким бунтом — он просто не понимал, почему не должен общаться с человеком, который всегда относился к нему с душой. И никакой кары не последовало, потому что после того матча Яшин стал национальной легендой.

Именно о таких людях, необязательно футболистах, хочется писать книги.

Сомнения в том, стоит ли браться за книгу о Яшине, окончательно развеяли... Пеле, Эйсебио и Франц Беккенбауэр. Три величайших футболиста, игравших с ним и против него за сборные мира, Европы, свои национальные команды. Каждый из них за свою, к сожалению, уже завершившуюся жизнь был утомлен бесчисленными интервью. Но ключик к сердцу каждого из них мне оказалось подобрать очень просто — стоило только упомянуть Льва Яшина.

Никогда не мог представить, что мне повезет общаться один на один с Королем футбола, но весной 2014 года в Краснодаре, в академии одноименного клуба, это произошло. И Пеле сказал:

— Мне всегда доставляет удовольствие говорить о Яшине — человеке, который стал моим первым другом за пределами Бразилии. Он был первым, кто еще тогда, в Швеции, напроорочил, что я стану лучшим игроком мира. Потом мы много раз играли друг против друга и никогда не упустили возможности посидеть и пообщаться. Оттого и стали друзьями. А когда его не стало, жена Яшина Валентина подарила мне прекрасный русский самовар...

Полтора годами ранее, в ноябре 2012-го, нас с коллегой Евгением Дзичковским, приехавших в Лиссабон на матч Лиги чемпионов «Бенфика» — «Спартак», жизнь

Яшин, Пеле, Владимир Маслаченко, Алексей Парамонов... Какая компания, какая атмосфера!

внезапно свела с Эйсебио, мимо статуи которого мы часом ранее проходили на стадионе «Эштадиу да Луш». 70-летняя португальская футбольная легенда по прозвищу Черная Пантера отреагировал на нашу просьбу о беседе так:

— *Вообще-то я уже давно интервью не даю, но русским десять минут уделить могу. Потому что вы представляете страну моего друга Льва Яшина.*

Десять минут незаметно превратились в сорок. И на Яшина из них пришлось никак не меньше половины. Самой интересной. Просто вот вам один из рассказов — и попробуйте представьте нечто подобное в современном футболе.

— Вспоминаю, как советская и португальская сборные играли в матче за третье

место ЧМ-1966 и в нашу пользу назначили пенальти. Лев меня жестом спрашивает: «Куда будешь бить?» И я показываю ему: вон туда, справа от тебя!

— *Но зачем?!*

— *Потому что он мой друг. А другу и лучшему вратарю мира вдвойне почетно забить пенальти, заранее показав, куда будешь бить, — и не обманув. Капитаном нашей сборной тогда был Колуна, и он подошел ко мне:*

— *Ты что делаешь? Это же Яшин, он отобьет мяч!*

Отвечаю:

— *Нет, не отобьет. Причем я буду бить именно в тот угол, в который показал.*

И пробил так сильно, что мяч только задел его перчатки.

Я забил и, конечно, был доволен. Но мой друг был огорчен, и я сразу после гола подошел к нему и сказал по-португальски:

— Мы друзья, но ты — вратарь, а я — нападающий. Мое дело — забивать, твое — защищать ворота. Лев, мне надо было это сделать. Надо.

И я увидел, что он все понял...

Из России у меня было множество разнообразных подарков. А самым дорогим стала меховая куртка Яшина, которую однажды подарила мне его вдова. Она у меня до сих пор хранится. Для меня нет дара дороже, и эта куртка поразила меня в самое сердце. А в две тысячи четвертом году, на домашнем чемпионате Европы, я во время серии

пенальти в четвертьфинале с Англией так сказал нашему вратарю Рикардо:

— Стой на месте, не надо отвлекаться ни направо, ни налево, сконцентрируйся на взгляде бьющего. Так, как делал Лев Яшин.

Он последовал этой рекомендации, и мы победили.

Добавлю к этим словам Эйсебио, что сам Рикардо, выйдя к журналистам после той победы, первым делом рассказал об этом совете легенды и о том, что слова Яшина стали главной причиной той победы. Притом что Льва Ивановича не было в живых уже четырнадцать лет.

А самому Эйсебио в момент нашего разговора жить оставалось чуть больше года.

Матч за третье место ЧМ-66 Португалия — СССР. Яшин против главной португальской легенды Эйсебио. В том матче он получит право на пенальти и по дружбе скажет вратарю, в какой угол будет бить. Но ударит так сильно, что Лев Иванович не сможет его отразить!

В историях иностранных звезд о Яшине меня всегда поражало одно — они называют его своим другом и приводят подтверждающие это истории, притом что советский вратарь не владел иностранными языками! И я попросил как Эйсебио, так и Пеле объяснить этот феномен.

Эйсебио:

— Мы говорили на одном языке — языке футбола. Вот он, мяч [тут Черная Пантера обхватил руками воображаемый предмет футбольной игры]! Через него мы так понимали друг друга, что не нужно было больше ничего. Яшин был не просто вратарем, а господином в воротах. И большим джентльменом. Настолько уважительно относился к соперникам, что у него не могло не быть множества друзей! Лев всегда будет оставаться голкипером номер один в мире. Часто вспоминаю о нем — и все больше прихожу к выводу, что как футболист во многом сложился благодаря ему.

— Даже так?

— Да. Когда оказываешься способен забить величайшему вратарю в истории мирового футбола, запоминаешь на всю жизнь. И осознаешь после этого, что способен забить кому угодно. У той симпатии,

Перед началом той игры Яшин и Эйсебио успели чуть-чуть поговорить

с которой я отношусь к вашему футболу, есть конкретная причина — дружба с Яшиным...

Пеле:

— Мы говорили через переводчика. Но от него исходили такая доброта

и обаяние, что разрушались любые барьеры. Знаете, мой отец сам был футболистом и учил меня многому в обращении с мячом. Но первое, что он мне внушал, не касалось собственно игры. Он говорил: «Даже если ты станешь большим игроком, даже если родился для того, чтобы играть в футбол, в первую очередь ты должен стать хорошим, достойным человеком».

Это я и хочу передать новому поколению. Таким человеком как раз и был Яшин.

Перечитав эти слова Короля футбола, я вспомнил сказанное классиком: «Если можешь не писать — не пиши». Пеле убедил: не могу.

Если бы речь шла об абстрактном сиянии холодной звезды, очень возможно, такого желания не возникло бы. Но любой рассказ

о Яшине пронизан именно человеческой теплотой. Наше время, в котором, уверен, Яшину было бы неуютно, по-моему, правильно называют «эпохой большой нелюбви». И мне очень хочется, чтобы чей-то пример мог нас согреть. Чтобы кто-то нас всех — в стране, в мире — объединял, а не разделял.

Вот еще один услышанный мною вживую рассказ на ту же тему — от выдающегося английского голкипера Питера Шилтона, к которому я много лет назад приезжал в Лестер.

— Когда я рос в Лестере, одним из моих героев был Лев Яшин. Я учился у него на расстоянии. Яшин был таким большим, мощным и в то же время расторопным! А еще он носил черную форму — и это тоже деморализующе влияло на чужих нападающих. С его габаритами, спокойствием да еще и во всем

На игре, посвященной шестидесятилетнему юбилею Яшина, были и чемпион мира, легендарный немец Франц Беккенбауэр, и главный тренер действующего на тот момент чемпиона мира, сборной Аргентины, Карлос Билардо

Добрая семейная яшинская улыбка. Лев, Валентина, Ирина, Елена и маленький Василий

черном он казался мне неуязвимым. У него был свой стиль! Мне тоже хотелось быть таким, и я не раз признавался себе в этом.

Однажды мне ужасно повезло. Московское «Динамо» приехало в наш город на товарищеский матч. Я был страшно взволнован тем, что увижу великого Яшина. Но оказалось, что он сломал руку и играть не мог.

И все-таки счастье оказалось на моей стороне. После матча я его увидел, преодолел робость и подошел. Мы поговорили. Не помню слов, которые русский голкипер — кажется, через переводчика — мне сказал, давно это было. Но осталось ощущение. Вблизи Яшин оказался так приятен, незаносчив и скромн, что я был просто поражен. Только представьте, кем тогда был он и кем я.

Когда ты юн и лично встречаешься с кумиром, то очень важно, какое впечатление он на тебя произведет. Таков ли этот человек, каким его себе представлял. И Яшин оказался таким, каким мне хотелось, чтобы он был. Очень-очень добрым. С тех пор я всегда разговариваю с юными голкиперами.

Однако Валентина Тимофеевна в нашем разговоре в 2011 году на яшинской кухне в Чапаевском переулке развеяла легенду о черной форме Яшина:

— Все говорят о черной форме Льва, а на самом деле она была очень темно-синей! Шерстяная фуфайка с нашитым номером «1». По-моему, все вратари его поколения играли в темной форме. Когда в двухтысячном я получала за Льва приз лучшему